

СПИВАК Д. Л.

**ЛИНГВИСТИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ:
ПРОБЛЕМА ТЕКСТА**

Лингвистика измененных состояний сознания представляет собой новую отрасль отечественного языкознания, принципы построения и методы исследования которой перенимаются в настоящее время смежными отраслями наук о мышлении. Методологической доминантой их является изучение человека как целостной, внутренне единой научной проблемы, возникающей при сложном взаимодействии социальных, биологических и системно-информационных факторов [1]. Частью такого подхода стало теоретическое осмысление не только обычных, нормальных для данного социума условий существования человека, складывающихся из общественно-целесообразных экологических, информационных и поведенческих стереотипов, но и условий необычных, где эта система как-то нарушается. Углубление научно-технической революции, предполагающее массовое освоение новой техники, интенсификацию процессов производства, усиление информационных потоков приводит к расширению места необычных условий в общественно-полезной деятельности и обычной жизни людей. Таким образом, присущие пребыванию в необычных условиях особенности отражения объективной реальности могут стать актуальным фактором общественного сознания [2].

При попадании в необычные условия существования начинается длительный, сложный процесс перестройки (привыкания, адаптации), в конечном счете приводящий к восстановлению привычного состояния сознания. Адаптация является многоступенчатым процессом, представленным многими типами в зависимости от характера и степени нарушения исходных стереотипов [3, с. 53—54]. Все типы адаптации обеспечиваются не вполне обычными с точки зрения нормы (измененными) состояниями сознания, которые тем не менее являются единственно общественно-приемлемыми в данных условиях. Обобщение такого подхода приводит к концепции сознания как поля, континуума состояний, каждое из которых выступает как нормальное для определенного типа необычных условий существования, естественных и уместных для обеспечения соответствующего типа адаптации.

Являясь ведущей составляющей сознания, языковое мышление в полной мере определяется общественным бытием. Важным следствием из такого положения, принятым в языкознании, является сложная и опосредованная, однако закономерная связь законов и форм языкового мышления с характером объектов и отношений, детерминирующих структуру общественного сознания [4]. Естественным было бы ожидать и отражения измененных состояний сознания в структуре этих законов и форм.

На основании проведенного по специально разработанной программе массового обследования речи около полутора тысяч человек при всех типах измененных состояний сознания (это значительно превосходит охват

даже наиболее репрезентативного обследования в этой области, совместно предпринятого учеными пяти европейских стран и США [5]) было показано наличие в языке ряда отчетливо различающихся по лексико-грамматической структуре глубинных языковых слоев. Существование этих слоев, играющих важную роль в языковой деятельности — в неявном виде при обычных условиях и в явном виде при необычных условиях существования, — составляет предмет лингвистики измененных состояний сознания [6].

Вместе с тем присущие глубинным уровням языка универсалии, известные науке, охватывают единицы, не превышающие предложения. Этого достаточно для учета такой важной функции языка, как коммуникативная, но недостаточно для изучения сверхфразовых единств. Задачей настоящей статьи является разработка методов анализа текстовых структур, обусловленных измененными состояниями сознания.

Основу нашего исследования составит выведение определенной лингвистической концепции на основе последовательного анализа слоев языка, поочередно становящихся поверхностными по мере углубления измененного сознания. В систематической форме этот принцип используется лишь советским направлением лингвистики измененных состояний и психолингвистики [7]. Д. Блур объясняет тяготение к многоуровневым построениям особенностями историко-культурного характера, характерными лишь для нашей страны [8]. В общекультурном плане с Д. Блуrom трудно согласиться, — впрочем, ведение дискуссии здесь потребовало бы выхода в область социальной психологии. В том же, что касается наук о мышлении, такой подход действительно является у нас общенаучной парадигмой. В самом деле, многостороннее изучение человека средствами ряда наук предполагает совмещение обнаруженных ими качественно различных принципов функционирования сознания, а целостность изучения требует установления порядка в этом сложном взаимодействии социальных и биологических закономерностей. Особое положение языка, стоящего на пересечении последних, обуславливает ведущую роль лингвистики во взаимном соотношении составляющих комплекса наук о мышлении.

Почему же, несмотря на столь очевидные преимущества, многослойный подход не был принят в зарубежной науке о языке? Самый сжатый ответ на этот вопрос предполагает сопоставительное изучение основных принципов главных направлений лингвистики измененных состояний — советского и американского. Последнее будет рассмотрено на основе работ ведущего теоретика этого направления профессора Мэйнского университета К. Мартиндейла.

Исходной точкой всех исследований в этой области явилось большое количество накопленных наукой эмпирических наблюдений. По мере усиления действия на организм лекарственных средств или, скажем, алкоголя, физиологические параметры отчетливо проходят ряд стадий. Что касается речи, то ее спутанность и неясность обычно усиливается, что дало многим ученым основание говорить о возможности существования неких параллелей таким стадиям и в языке [9; 10, с. 332].

Дальнейшая разработка этого круга идей оказалась различной. Так, теория психоанализа, которой придерживались американские лингвисты, в принципе не допускает различения каких-либо ступеней языка и сознания. Как подчеркивал З. Фрейд, «...указание на ряд степеней сознания не содержит в себе ничего обязательного... Эти положения в известном отношении могут быть и содержательными, но практически они непригодны» [11]. От этого постулата фрейдизма американское направление

отказалось, однако вытекающее из него положение о ведущем значении для теории языка и внутреннем единстве всех отклонений от его нормы (от оговорок и детского языка до речи афатиков и шизофреников) было сохранено [10, с. 331—332, 350—352]. Напротив, советское направление опирается, как отмечал Л. А. Орбели, на присущий павловской традиции «принцип замещения нарушенной эволюционно молодой функции более старой, в обычных условиях заторможенной или упрятанной» (цит. по [3, с. 46]). Нет нужды доказывать, что в этом контексте различные проявления языка совершенно естественны и органично связаны с послойным воздействием биологических и социальных факторов. Кроме того, этот подход позволяет лингвисту сосредоточиться лишь на нормальных, действительно многослойных общественно-целесообразных состояниях.

Наиболее эффективным средством лексико-грамматического описания языка при измененном сознании американское направление считает лингвостатистику. Лексика просматривается здесь через численные характеристики склонности к употреблению слов, относимых психоанализом к глубинным слоям (*тьма, толпа, глаз, пот, грязный*), а грамматика — через частоту относимых к этим слоям служебных слов и местоимений (*как, потому что, я*) [12].

Признавая важность лексико-семантического описания единиц, составляющих крупные подсистемы языка, современная теоретическая лингвистика подчеркивает необходимость выявления связей между ними, определяемых на каждом уровне сложным взаимоотношением типа, системы и нормы [13]. Непременным свойством процедуры выделения инвариантов языка является вскрытие многоплановых взаимоотношений между звучанием, значением и функцией [14]. Поэтому в теоретический арсенал советского направления был включен ряд методов одновременного анализа синтаксиса, морфологии и лексики.

Применение этого подхода позволило обнаружить интересную, не запланированную априори закономерность. Она состоит в том, что по мере углубления измененного сознания внешние вероятностно-информационные процессы языка протекают равномерно, монотонно, а внутренние, функциональные процессы — ступенчато, т. е. на время приостанавливаются, а затем сразу переходят на следующий уровень. Видимо, односторонние нарушения старой структуры должны стать достаточно частыми, чтобы их количество перешло в качество новой языковой структуры следующего слоя. (К внешним мы относим процессы типа роста числа глаголов с модальным значением или уменьшения средней длины предложения; к внутренним — процессы типа использования модального глагола с инфинитивом в составном глагольном сказуемом или роста числа номинативных односоставных предложений. Примеры разных типов ступенчатых переходов между слоями языка см. в [6, с. 26, 51; 15]). Функциональный подход и особенно синтаксические методы практически не используются американским направлением. Поэтому многочисленные, часто нетривиальные процессы, изученные представителями этого направления, оказались структурно однородными, так что речи о слоях сознания быть не может [16]. Сказанное позволяет утверждать, что обнаружением и обоснованием строения глубинных слоев языка советское направление обязано не случайным причинам, но прежде всего весьма глубоким, общим для ученых нашей страны общефилософским и теоретико-лингвистическим принципам¹.

¹ В ходе научной переписки проф. К. Мартиндейл определенно высказался в пользу плодотворности диалектико-эволюционного подхода к языку и роли синтаксических

Полученные результаты не исчерпывают возможностей послойного анализа. При лексико-грамматическом описании основных глубинных уровней русского языка нами были намечены контуры грамматики и словаря каждого из них. При этом выяснилось, что отдельные грамматические конструкции «нормального» языка сохраняют связь с тем из слоев сознания, на котором она образовалась при фило- и онтогенетическом развитии. Исследование переходов между слоями доказало, что при восприятии речи каждая конструкция путем последовательного перевода передается «своему» слою и лишь там обрабатывается. Следовательно, если построить речь из лексико-грамматических структур, принадлежащих исключительно определенному глубинному уровню языка, то и будет активизирована деятельность только этого уровня сознания.

Отсюда следует, что для сознания в принципе безразлично, под влиянием какого раздражителя (физического, речевого или какого-либо другого) осуществляется переход на некоторый глубинный слой. Как подчеркивал И. П. Павлов, «слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают те раздражения» [17].

Где же могут оказаться полезными тексты, ориентированные на определенные слои сознания? Во-первых, это сфера массовой информации. Здесь важна проблема наиболее эффективного текста рекламы, лозунга или радиосообщения о приближающемся стихийном бедствии, где нужно передать сведения быстро и очень доходчиво, но не создавая паники [18]. Во-вторых, это ключевой для промышленности и транспорта труд операторов. Для него обычны исключительная интенсивность, перегруженность быстро меняющейся информацией и шумовым фоном, высокая ответственность. Для общения друг с другом или с ЭВМ операторы нуждаются в приспособленном для необычных условий варианте естественного языка. В-третьих, это интенсивное обучение языку, не только иностранному, но и языку межнационального общения, столь важному, скажем, для представителя национального меньшинства, прибывшего на крупную стройку.

Лингвисты уже приступили к решению некоторых из этих проблем. Так, ведущим коллективом, работающим в области инженерной лингвистики, смоделирован подязык для общения оператора и машины «ТАНД» [19]. Другой группой ученых успешно внедрен в работу операторов радиоэлектронных и электроавтоматических средств подязык «ЯЗЭД». Хотя оба эти подязыка разрабатывались с различных позиций, в их построении можно найти много черт, определенно связанных с послойными структурами. Кроме того, послойный подход вошел на правах одной из теоретических предпосылок, например, в построенную казанскими лингвистами систему ускоренного обучения языку [20]. Все это говорит в пользу внедрения послойного подхода, тем более, что, как отмечалось в широкой печати, все три сферы входят в «социальный заказ» лингвистики [21].

Особую перспективность для практического применения лингвистики измененных состояний представляет психотерапия. Ее действенность целиком зависит от влияния на глубинные слои сознания пациента, и ин-

---

методов его исследования (письмо к автору от 12.III.1985). Если эти положения найдут дальнейшее развитие в научных публикациях возглавляемого им направления, отмеченные выше расхождения в основном останутся в прошлом.]

струмент для этого есть лишь один — слово врача. Усилиями поколений психотерапевтов и пациентов, действовавших методом проб и ошибок, здесь были «нащупаны» наиболее «эффективные» виды текстов, составляющих сейчас своеобразную ветвь филологических знаний, пока не привлекающую внимания лингвистов (ср. [22, 198—204]). В известной части этих исследований последние структуры употребляются бессистемно, не более упорядоченно, чем в родственных микрожанрах (например, в колыбельных) или при описании сильных аффектов в поэзии². Наряду с этим практика подсказала одну исключительно строгую форму организации текстов, на эффективности которой настаивают все психотерапевты. Речь идет о так называемых формулах самовнушения, достаточно известном, однако малоизученном лингвистами явлении, суть которого состоит в том, что на разных этапах аутогенной тренировки повторяется то же самое, но в разном, всегда упрощающемся грамматическом оформлении [*„Я очень хочу, чтобы мои руки (ноги и т. д.) стали тяжелыми (теплыми)“*] — *„Хочу, чтобы мои руки...“* *„мои руки...“* *„руки...“* (подробнее см. [22, с. 106—107]).

Сопоставив изменения, последовательно вносимые в формулы самовнушения при освоении его этапов, с изменениями, постепенно происходящими в структурах языка при прохождении слоев сознания [6, с. 38—43], можно говорить о принципиальном сходстве обоих процессов. Аналогичное сопоставление физиологических характеристик (ср. [22, с. 44—54, 110; 6, с. 30—31, 35]) позволяет считать это сходство доказанным. Таким образом, удается обнаружить, что существует небольшой класс основанных на послылойности языка текстов. Сказанное дает возможность определить форму построения текстов, рассчитанных на целенаправленное и полное использование глубинных уровней языка и сознания в гуманных, общественно-полезных целях, как последовательность объединенных синтаксическим, морфологическим, фонетическим и семантическим параллелизмом предложений, каждое из которых основано на грамматических структурах определенного слоя языка. Для дальнейшего приложения и развития полученного определения необходимо выяснить степень его полноты, иначе говоря, ответить на вопрос: нужны ли еще какие-нибудь условия, чтобы оно выполнялось? Если таких дополнительных условий нет, то интересующие нас тексты — назовем их многослойными — закономерно появляются при слиянии общественно-принятой практики изменения сознания и риторики, т. е. являются типологической универсалией. Научный поиск в этой области облегчен тем, что этот процесс весьма богато документирован. Параллелизмы присущи любой литературе. Ценные наблюдения в области исторической и синхронной типологии параллелизма высказаны в трудах В. Ф. Шипмарева [23], А. Н. Веселовского [24], Д. С. Лихачева [25] и ряда научных коллективов [26]. Огромное разнообразие наблюдается и в исторически засвидетельствованных формах и методах изменения сознания, допущенных общественным мнением каждой

² Вспомним хотя бы «успоение в бою» в III песне пушкинской «Полтавы» («Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон...») или отчаяние в знаменитом блоковском «Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет...». Присущие глубинным слоям цепочки номинативных предложений воспринимаются и, вероятно, были написаны вполне бессознательно. Впрочем, в одном случае описание промежуточного между сном и бодрствованием состояния А. С. Пушкин не только основывает на характерных для этого состояния структурах, но и озаглавляет: «Стихи, сочиненные почью, во время бессоницы» [«Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня...»] (пример указан Вяч. Вс. Ивановым).

эпохи в свою культуру³. Надежной типологии здесь пока нет, однако присущий советской науке подлинно гуманный, целостный подход к проблеме человека во всей сложности его духовной жизни позволяет надеяться на скорые успехи в этой области.

Обратимся к анализу результатов работ недавнего развитого в отечественной китайистике направления, основывающего свою интерпретацию текстов китайской классической философии на изучении параллелизмов. Исходной точкой работы ученых послужило то наблюдение, что высказав какую-либо мысль, автор древнего сочинения многократно, через равные промежутки текста, возвращался к ней почти в тех же словах. Рассмотрим такое построение на следующем содержательном примере: «Уважать — больших слуг-подданных (сановников). Как к частям тела относиться — к многочисленным слугам-подданным (мелким служилым). Как к детям относиться — к простому народу». Далее следует шесть далеких по смыслу и построению фраз, а затем читаем: «Если уважаются большие слуги-подданные, то в заблуждение введен не будешь. Если, как к частям тела, относиться к многочисленным слугам-подданным, то служилые в ответ проявят серьезное отношение к правилам поведения. Если, как к детям, относиться к простому народу, то все роды будут стимулированы». Еще через шесть не связанных с этим отрывком фраз читаем: «Полнота [штата] чиновников и возложение ответственности — вот чем стимулируются большие слуги-подданные. Вера, преданность и большое жалование — вот чем стимулируются служилые. Соответствующими сезонам повинностями, легкими сборами — вот чем стимулируются все роды» (цит. по [28, с. 32—33]).

Первый из цитированных отрывков составлен тремя совершенно идентичными по грамматической структуре предложениями, в которые подставляются ключевые слова, описывающие главные объекты внимания автора — высший уровень общества в первой фразе, средний — во второй, и низший — в третьей. Во втором отрывке все это построение дословно повторяется, но каждое из простых предложений по очереди разворачивается в условный период. Новое усложнение тех же трех тем образует три параллельные фразы последнего отрывка. Выпущенные при цитировании отрывки поддаются совершенно аналогичному разложению, так что получающееся в итоге представление текста насквозь пронизано разнообразными параллелизмами, объединяющими и развивающими в строго определенном порядке сюжеты трактата.

Возможность такого, нелинейного, прочтения определенного класса текстов подтверждается совокупностью экстралингвистических свидетельств [29], а дополнительный анализ научной литературы позволяет утверждать, что именно в этой традиции изучение текстов сопровождалось выполнением детально разработанных дыхательных упражнений [30], позволяющих достигнуть ряда уровней сознания, и очень широким применением приводящих к тому же результату психофармакологических средств растительного происхождения ([31], указано Е. А. Торчиновым). Если учесть, что эти тексты не просто читались, — в них вживались деся-

³ Хорошим примером служат история, может быть, самого полезного из измененных состояний — искусственно вызванного сна (наркоза) при хирургической операции (его языковые характеристики изучены ранее [6, с. 70]). Наркоз был открыт в эпоху эллинизма, разработан в десятках руководств — от Педания Диоскорида (I в.) до Теодорика Червийского (XII в.). Около XVI в., однако, несмотря на страдания тысяч пациентов, наркоз был забыт так прочно, что в XVIII в. его пришлось изобретать заново [27].

тилетиями, по ним перестраивали внутреннюю жизнь, — то предположение, что здесь мы видим настоящие многослойные тексты, представляется не лишенным оснований.

Оставляя в стороне содержательные аналоги из возможно связанных с описанной традицией индийских [32, с. 287] и монгольских [26, с. 50 — 56] текстов, перейдем непосредственно к европейской многослойной традиции. На основании изучения обширной научной литературы предмета можно утверждать, что многослойные построения были известны эллинистической риторике и могли употребляться в небольших отрывках текста, посвященных описанию структуры личности или мира. По-видимому, единственным средством изменения сознания служила сложная дыхательная техника, применяемая при фонации текстов, освоение которой было непрерывной частью риторского образования.

В дальнейшем многослойная традиция получила развитие в латинской средневековой литературе и даже играла ведущую роль в риториках и поэмах таких видных теоретиков литературы и поэтов своего времени, как Хильдеберт Лаварденский, Матфей Вандомский, Джофруа Вансофский. Общее для них загадочное стремление пронизать разнообразными параллелизмами едва ли не весь текст уже привлекло внимание таких крупных медиевистов, как Э. Курциус, Ф. Рэби, Э. Фараль [32, с. 282—286; 33]. Известное развитие получила многослойная традиция и в славянских литературах, в основном в сочинениях таких мастеров «плетения словес» XIV—XV вв., как Евфимий Тырновский, Киприан и Епифаний Премудрый. Условием для научного анализа здесь особенно благоприятны, поскольку эти авторы придерживались исихазма [34], предписывавшего вне всякого сомнения самую разработанную в Европе того времени технику изменения сознания. Кроме того, тексты часто предварялись выполненным автором плетеным орнаментом, который, как обнаружено в отечественной славистике, служил читателю наглядным пособием для освоения сложной внутренней структуры «плетеного» текста [35]. (Примеры текстов и более подробное обсуждение см. в [36, 37].) Разумеется, что в пределах каждой литературной традиции многослойное прочтение входило в присущую ее текстам иерархическую структуру интерпретаций, полнота восприятия которой зависела от степени подготовленности читателя, безусловно уступая таким аспектам, как аллегорический (или, с другой стороны, метрический).

На основании сказанного представляется возможным утверждать, что изучение языкового мышления и сознания в целом по данным текстов вполне возможно не только в синхронном, но и в диахроническом плане, а результаты, получаемые средствами лингвистики измененных состояний органично соответствуют общим принципам и тенденциям развития отечественной науки о языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Человек как комплексная проблема (Материалы Всесоюзной конференции) // ВФ. 1983. № 12. С. 107.
2. Лебедев В. И. Особенности психической деятельности в измененных условиях существования: Автореф. дис. . . докт. мед. наук. М., 1983. С. 34—38.
3. Медведев В. И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов Л., 1982.
4. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. С. 85.
5. Dittrich A. et al. Internationale Studie über veränderte Wachbewusstseinszustände (wissenschaftlicher Schlussbericht zum Nationalfondsprojekt № 1. 958-0.79). Zürich, 1982. S. 1.
6. Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.

7. *Spivak D. L.* Artificially induced altered states of consciousness (observations during insulin therapy) and their linguistic correlates // *Human physiology*. 1980. № 1—2.
8. *Bloor D.* The regulatory function of language. An analysis and contribution to the current controversy over the Soviet theory.— In: *Psycholinguistics: developmental and pathological*, ed. by Morton J. et al. Ithaca (New York), 1977. P. 84.
9. *Трауготт Н. П.* О нарушениях взаимодействия сигнальных систем. М.—Л., 1957. С. 9.
10. *Martindale C.* The grammar of altered states of consciousness: a semiotic interpretation of aspects of psychoanalytic theory // *Psychoanalysis and contemporary science*. 1975. V. 4.
11. *Фрейд З. Я.* и *Оно* // Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х годов — середина 30-х годов XX в.) / Под ред. Гальперина П. Я., Ждан А. Н. М., 1980. С. 187.
12. *Martindale C.* Syntactic and semantic correlates of verbal tics in Gilles de la Tourette's syndrome: a quantitative case study // *Brain and language*. 1977. № 4. P. 235—237.
13. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. С. 23—24, 65.
14. *Солдатов В. М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // *ВЯ*. 1984. № 2. С. 37—39.
15. *Spivak D. L.* Linguistic typology of artificially induced states of altered consciousness. I—II // *Human physiology*. 1983. № 1.
16. *Martindale C. et al.* The effects of psilocybin on primary process content in language // *Confinia psichiatrica*. 1977. № 20. P. 200.
17. *Павлов И. П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга // *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. Т. IV. М.—Л., 1951. С. 429.
18. Современная идеологическая борьба и проблемы языка / Отв. ред. Дешериев Ю. Д. М., 1984. С. 143—144.
19. *Пиотровский Р. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979. С. 90—98.
20. Научные основы организации учебного процесса при ускоренном автоматизированном обучении иностранному языку. Ч. I. Казань, 1985. С. 13—14.
21. *Степанов Г. В.* Стихия языка в стихии споров // *Лит. газета*. 1984. 27 июня.
22. *Панов А. Г. и др.* Аутогенная тренировка. Л., 1973.
23. *Шушмарев В. Ф.* Этюды по истории поэтического стиля и форм / *Шушмарев В. Ф.* Избранные статьи. М.—Л., 1965. С. 15—177.
24. *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. СПб., 1898. С. 9—20, 56.
25. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 169—176.
26. Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 81, 130—139.
27. *Ellis E.* *Ancient anodynes*. L., 1946. P. 64, 137—140.
28. *Спириков В. С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
29. *Кобзев А. И.* О категориях традиционной китайской философии // *Народы Азии и Африки*. 1982. № 1. С. 47—58.
30. *Gruhan G. A.* History of ideas about the prolongation of life // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1966. V. 56. Pt. 9. P. 39—43.
31. *Needham J.* Clerks and craftsmen in China and the West. Cambridge, 1970. P. 316—339, 413.
32. *Curtius E.* *European literature and the Latin Middle Ages*. Princeton, 1973.
33. *Raby F. A.* History of secular Latin poetry in the Middle Ages. V. I. Oxford, 1934. P. 78, 326—327.
34. *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. С. 45.
35. *Коновалова О. Ф.* «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении) // *ТОДРЛ*. 1966. № 22. С. 101—111.
36. *Спивак Д. Л.* Многослойный текст (цзин) как типологическая универсалия // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1985. С. 225—230.
37. *Спивак Д. Л.* Типологические характеристики каноничных текстов (цзин) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: Тез. докл. XII научн. конф. Ч. II. М., 1986. С. 377—383.